

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пивоваров Ю. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX — первой трети XX столетия. М., 1997. С. 14, 25–29.

² См.: Иванов И. История русской критики. СПб., 1898. Ч. I. С. 395.

³ Мнемозина. 1824. Ч. II. С. 83–84.

⁴ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 88.

⁵ Там же. С. 78–79.

⁶ Там же. Т. 1. С. 246.

⁷ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 2. С. 67.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 9. С. 714.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Тихонова Е. Ю. В. Г. Белинский в споре со славянофилами. М., 1999. С. 53.

¹² Цит. по: Кубасов Ив. В. Ф. Одоевский // Русский биографический словарь. Т. 12. С. 125.

¹³ Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 143.

¹⁵ Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1970. Вып. 51. Т. 15. С. 344.

¹⁶ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 71.

¹⁷ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 29.

¹⁸ См.: Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М., 1966. С. 132, 133.

¹⁹ См.: Смирнова З. В. Русская мысль первой половины XIX века и проблема исторической традиции (Чаадаев, славянофилы, Герцен) // Вопросы философии. 1995. № 5.

²⁰ См.: Пивоваров Ю. Очерки истории... С. 316.

П. В. Ильин

ОБМАНУВШИЕ СЛЕДСТВИЕ: К ИЗУЧЕНИЮ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ ЗАЩИТЫ ОБВИНЯЕМЫХ НА ПРОЦЕССЕ ДЕКАБРИСТОВ 1825–1826 гг.

Источники свидетельствуют о различных вариантах поведения обвиняемых на следственном процессе по «делу декабристов». Наряду с линией «откровенных» показаний, которая достаточно характерна для группы основных обвиняемых, в документальных свидетельствах содержатся прямые указания о предварительных соглашениях будущих подсудимых с целью «запирательства» — отрицания, сокрытия подлинных обстоятельств.

Документально зафиксированы «советы» придерживаться тактики полного отрицания в письменных показаниях и на допросах, а также соглашения будущих подсудимых о «молчании». Так, В. П. Зубков прямо свидетельствует о предложении держаться тактики умалчивания на следствии; такое предложение высказал П. А. Муханов, уже будучи арестованным, по дороге из Москвы в Петербург. Зубков вспоминал: Муханов, «думая, вероятно, что я принадлежу к обществу, сказал мне, что не надо ни в чем признаваться».¹ Воспоминания Н. В. Басаргина содержат прямое указание на предварительный «сговор» об отказе от показаний, который был предложен Ф. Б. Вольфом.² Договоренность о полном отрицании существования тайного общества была заключена перед арестом группой офицеров штаба 2-й армии. Эта договоренность распространилась на широкий круг

участников Южного общества. Следствию о ней сообщил П. И. Фаленберг: договорившиеся перед арестом согласились ничего не говорить на допросах о тайном обществе. Они полагали, что «можно спастись, если не признаваться, ибо доказательств <...> быть не может...», а обвинителям «уличить нет возможности».³

Арестованные флотские офицеры (А. П. и П. П. Беляевы, В. А. Дивов и др.) согласовывали свои показания, находясь уже под арестом. Об этом узнали руководители следствия, после чего офицеров рассадил по одиночным камерам Петропавловской крепости.⁴

В деле П. Ф. Выгодского сохранилось свидетельство о наличии у подследственных особых наставлений, которые заключали в себе основные правила поведения при допросах, очевидно, на случай ареста и привлечения к следствию. В письме П. Г. Дивова (разбившего бумаги арестованных П. Ф. Выгодского и Ю. К. Люблинского и переведившего их с польского языка) А. И. Чернышеву от 14 марта 1826 г. говорилось: «В присланных вашим превосходительством бумагах Юлиана Люблинского и Выгодского не нашел я много замечательного, однако же черновой отпуск, или проект, наставления, как действовать при допросах, обратит, без сомнения, внимание ваше <...> Сие странное и непонятно в какой цели сочинение вероподобно откроет некоторые замыслы...»⁵ К сожалению, упомянутое «наставление» не обнаружено.

Приведенные факты сами по себе весьма примечательны и симптоматичны: они свидетельствуют о том, что будущие подследственные задумывались над выработкой системы защиты на случай ареста и расследования по делу о «государственном преступлении», в условиях начавшегося процесса пытались согласовать свои показания.⁶ Цель такого рода соглашений не вызывает сомнений: необходимо было, скрыв от расследования наиболее опасные факты и обстоятельства, не дать оснований к серьезным обвинениям и, таким образом, избежать тяжелого наказания.

Во многих случаях имевшие место соглашения о «запирательстве», попытки использовать тактику полного отрицания, как известно, оказались безрезультатными. Под напором обвинений подследственные, пытавшиеся придерживаться этой тактики, вынуждены были от нее отказаться и перейти к другим защитным линиям поведения. Хорошо известны первоначальные показания П. И. Пестеля, Н. А. Крюкова, А. П. Барятинского и других лиц, которые на первых допросах полностью отрицали существование конспиративных организаций. Наиболее характерный случай продолжительного «запирательства», несмотря на многочисленные обвиняющие данные, демонстрируют показания С. М. Семенова. В большинстве таких случаев тактика полного отрицания не увенчалась успехом — в первую очередь в силу множества уличающих свидетельств, заставлявших следствие настойчиво добиваться «раскаяния» и откровенности обвиняемого с помощью различного рода средств: очных ставок, ужесточения режима содержания, обещаний помилования или, напротив, угроз тяжкого наказания, других мер психологического и физического воздействия.

Итак, следы первоначальных соглашений о «молчании» должны были отразиться в первых показаниях. Действительно, степень откровенности арестованных на первом допросе была крайне незначительной. Об этом согласно говорят и мемуарные свидетельства бывших подследственных: как оказавшихся в Сибири, так и избежавших тяжелых наказаний. М. И. Пущин, согласно его воспоминаниям, вооружился перед первым

допросом «всевозможными отрицаниями». Сделал он это потому, что не знал, арестован ли старший брат, вовлекший его в заговор; по собственному признанию мемуариста, на первом допросе он скрыл свою осведомленность о заговоре.⁷ Михаил Пущин, разумеется, не был одинок в своем стремлении предельно ограничить сообщаемую информацию на первом допросе, в особенности о собственной осведомленности относительно целей и состава участников открытого правительством тайного общества и заговора; последний вопрос был одним из главных на первом этапе следствия. Характерны в этом смысле показания И. И. Пушина, который, по собственному утверждению, не мог назвать участников «Практического союза», поскольку, по его мнению, обстоятельства, связанные с этим обществом, не входили в круг расследуемых вопросов. Еще более показательна позиция, занятая И. Д. Якушкиным, который в начале процесса строго держался правила не называть никого, объясняя это тем, что связан честным словом.⁸ Нередко подследственные в качестве активных заговорщиков называли уже умерших сотоварищей, иногда — вводили следователей в заблуждение, сообщая вымышленные имена, как это сделал тот же И. И. Пущин (не желая назвать И. Г. Бурцова, принявшего его в Союз спасения, показал на вымышленного им капитана Беляева, которого тщетно разыскивало следствие).⁹ В большинстве случаев тактика отрицания (полного или частичного) наиболее отчетливо прослеживается именно в первых по времени следственных показаниях. Причины этого вполне понятны: очень часто арестованные еще не имели полного представления о степени информированности следствия и старались скрыть от его внимания как можно больше.

Количество известных случаев полного отрицания предъявленных обвинений существенно вырастает, если обратиться к недавно опубликованным следственным делам. Речь идет о лицах, не вошедших в число преданных суду и относящихся к другим категориям подследственных (наказанных без суда, прощенных и освобожденных от наказания, оправданных). Наказанный во внесудебном порядке А. Н. Фролов полностью отрицал свою принадлежность к декабристской конспирации на протяжении всего процесса, несмотря на показания целого ряда участников тайного общества. Следствие, однако, ему не поверило, признав полноправным членом Южного общества. А. Мартынов также не признал своего членства в Южном обществе, в то время как ряд участников Южного общества, включая Н. Ф. Заикина, принявшего его туда, свидетельствовали о противоположном.¹⁰

Очевидно, что применявшиеся на процессе методы воздействия оказывали гораздо меньшее влияние на старших по возрасту, имевших жизненный опыт. По нашим наблюдениям, они значительно последовательнее отрицали обвинительные свидетельства, в особенности те, которые могли привести к серьезному наказанию; тем самым в конечном счете они значительно смягчили свою участь. Представители старшего поколения, участники Союза благоденствия (наказанный без суда Ф. Н. Глинка и его ближайшие товарищи, освобожденные от наказания Ф. П. Толстой и Н. И. Кутузов) отрицали политический характер тайного общества, свое участие в политических намерениях и планах заговорщиков. Сходной тактики придерживались бывшие руководители Союза благоденствия И. А. Долгоруков и И. П. Шипов, но под напором уличающих показаний они были вынуждены признать, что на собраниях участников Союза обсуждались и политические вопросы. В ряду лиц, которым удалось «уйти» от самых опасных обвинений

в знании политических целей и планов заговора 1825 г., нужно упомянуть А. В. Семёнова: благодаря его последовательному отрицанию уличающие показания Е. П. Оболенского и И. И. Пущина были сочтены следствием «неосновательными».¹¹

Для лиц, не принадлежавших к руководящим кадрам тайных обществ, открывались пути для более категоричных «отрицаний». А. В. Капнист первоначально полностью отверг свое участие в тайном обществе политического характера, но затем был вынужден это признать, равно как и факт предложения о вступлении в Южное общество, сделанного ему М. П. Бестужевым-Рюминым. Участник одной из дочерних организаций Союза благоденствия сын известного флотоводца Н. Д. Сенявин, уже прошедший через испытание допросами во время расследования доноса А. Н. Ронова (1820), несмотря на имевшиеся показания о его членстве, категорически отрицал это до конца расследования (наказан без суда).¹² Таким образом, некоторые члены тайных организаций ставили задачей полностью отрицать свое участие в конспиративной деятельности, чтобы избежать наказания. Однако многие из них потерпели неудачу из-за имевшихся у следствия убедительных уличающих свидетельств.

В этом контексте вполне закономерной представляется постановка вопроса о тех членах тайных обществ, которым такого рода тактика «отрицаний» принесла положительный результат, способствуя освобождению от «подозрений» и «очищению» в ходе расследования. Пожалуй, наиболее известный в литературе случай «очищенного» в ходе следствия обвиняемого, против которого имелись прямые свидетельства о принадлежности к тайному обществу, представляет расследование «дела» А. С. Грибоедова. О его вступлении в Северное общество показали Е. П. Оболенский и С. П. Трубецкой, ссылаясь на сообщение третьего члена Думы К. Ф. Рылеева; последний давал противоречивые показания по этому вопросу, в них прозвучало признание в том, что Грибоедову делались «намеки» о существовании общества, и слова о его «несовершенном» принятии в тайное общество. Грибоедов последовательно отрицал показания о присоединении его к тайному обществу до конца следственного процесса, и следователи признали уличающие показания недостаточными для обвинения.

Какие приемы использовали обвиняемые, оправданные на следствии? Что позволило успешно преодолеть серьезные конкретные улики, предъявленные свидетелями-обвинителями? Исследователи констатируют, что ответы Грибоедова не касались наиболее опасных моментов, которые содержали задаваемые вопросы; зачастую он не отвечал по существу (игнорирование вопросов о том, что было ему известно о тайном обществе, его составе, цели, средствах и намерениях). В некоторых случаях обнаруживаются прямые подтасовки фактов: М. В. Нечкина привела примеры заведомо ложных показаний.¹³ Грибоедов, давая показания, не мог забыть недавних и памятных для него событий; он сознательно вводил в заблуждение Комитет. Надежда на то, что показания не будут проверяться, оправдалась. Есть показания Грибоедова, которые не выдерживают проверки другими источниками. Так, Грибоедов сообщил, что «почти не знал» Трубецкого, сделавшего одно из главных обвинительных показаний. В действительности, из сохранившейся переписки Грибоедова явствует совершенно противоположное.¹⁴ Проверка фактической стороны показаний Грибоедова вскрывает ряд ложных свидетельств. М. В. Нечкина пришла к выводу: «Сопоставление грибоедовских показаний с данными других источников опровергает утверждения Грибоедова»; они «рушатся под напором многих

и разнообразных по характеру свидетельств».¹⁵ Как показывает рассмотрение этих обстоятельств и анализ следственных материалов, Грибоедов сознательно не говорил правду, утаивая некоторые факты и обстоятельства, которые могли бы служить его обвинению. Он дал ложные показания, имевшие для следствия вполне убедительный вид.

Другой случай расследования, закончившегося оправданием, — дело Н. П. Воейкова, адъютанта командующего Кавказским корпусом А. П. Ермолова. В январе 1826 г. следствием были получены данные об участии Воейкова в тайном обществе (показания Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, И. Г. Бурцова).¹⁶ После признания в принадлежности к тайному обществу Н. И. Лорер сообщал: «Я был принят 1824 года... принял меня поручик Воейков лейб-гвардии Московского полка».¹⁷ Лорер продолжил линию показаний о Воейкове на первом допросе в Петербурге, записанном В. В. Левашевым: «В 1824 году в мае месяце в Петербурге был я принят в тайное общество господином Воейковым и к[нязем] Оболенским...».¹⁸ Арестованный Воейков отрицал эти показания. В заданных ему вопросных пунктах значилось: «Комитет, имея в виду, что вы постоянно находились в тесных связях с некоторыми из числа ревностных членов тайного общества и что вам известно было о существовании оного, требует чистосердечного показания вашего». Следующие за этим вопросы раскрывали, какие «ревностные члены» имелись в виду: следствие интересовало контакты с А. И. Якубовичем и А. А. Бестужевым накануне и в день 14 декабря. Наконец, следствие интересовалось знакомством Воейкова с Нарышкиным: «Давно ли вы знакомы с Нарышкиным<...> Он ли первый или кто другой, при суждениях о положении России, склоняя разговор к цели своего общества, давал вам чувствовать, что есть люди, желающие лучшего порядка вещей и стремящиеся к достижению оного?». Воейков не согласился ни с одной из формулировок следствия: «В тесных связях с членами тайного общества я не был ни с кем, а что же касается до существования тайного общества, я никогда не знал и никогда и ни от кого об этом не слыхивал, в чем по чистой совести имею честь уверить».¹⁹ Как видим, Воейков отрицал любую степень участия или даже осведомленности о конспиративном обществе. Но и следствие, располагая прямыми свидетельствами об участии адъютанта А. П. Ермолова не в предполагаемом Кавказском обществе, а во вполне реальном Северном, включая показание Лорера об участии Воейкова в приеме самого Лорера, подкрепленное свидетельствами И. Г. Бурцова и Н. М. Муравьева, формулировало вопрос в весьма расплывчатой, «смягченной» форме («...вы постоянно находились в тесных связях с некоторыми из весьма ревностных членов...»), проявляя недостаточное внимание к участию Воейкова в конспиративных связях. Скорее всего, результатом этой двусмысленной ситуации стал выбор Воейкова тактики полного отрицания предъявленной информации, изложенной к тому же в неясной форме, и изложение фактов в выгодном для себя свете.

Другим методом защиты подследственных являлась переинтерпретация обвинительных показаний, которая состояла в том, что подозреваемый «признавал» наличие исключительно дружеских и служебных связей с арестованными, полностью отвергая при этом политическое «наполнение» имевших место встреч, разговоров и в целом контактов с заговорщиками. Воейков писал: «Бывши в 1821-м году в С. Петербурге<...> с господином капитаном Нарышкиным<...> я был знаком. Но суждений о положении России и об улучшении порядка вещей, равно как и о людях, желающих перемен, я никогда

не слышал...». Категорически отверг Воейков и свое участие в тайном обществе в какой бы то ни было форме: «Ни от кого предложения вступить в тайное общество я не слышал... Никогда я не был принят ни в какое общество и о существовании оных равномерно никогда не слыхивал».²⁰ Встретив такое сопротивление, следствие обратилось к традиционному опросу главных свидетелей-подследственных. Опрошенные в большинстве отозвались неизвестностью об участии Воейкова в конспирации (Пестель, Волконский, Трубецкой, Рылеев, И. Пущин).²¹ Особое значение приобретали показания Оболенского и Нарышкина — тех участников Северного общества, которые оказывались непосредственно связанными с Воейковым: первый, согласно показанию Лорера, принимал его в тайное общество вместе с Воейковым, а второй, по собственному признанию Воейкова, входил в число его близких друзей. От этих наиболее осведомленных и тесно связанных с Воейковым лиц должны были поступить показания, проливающие свет на тайну принадлежности этого офицера к декабристской конспирации. Оболенский в ответах, данных в связи с показаниями Бурцова, осторожно заметил, что Николай Воейков, «кажется», состоял в тайном обществе; при этом Оболенский отказался быть уличающим свидетелем, ссылаясь на отсутствие личных контактов, что не соответствовало действительности. В отдельном показании о Воейкове Оболенский свидетельствовал: «По истине показать не могу, принадлежал ли к тайному обществу Воейков<...> но, кажется, известен был о существовании оногo, но как был он принят и когда именно, сего не помню и показать не могу. О намерениях наших на 14-е декабря он никем из наших членов (насколько мне известно) извещен не был, разве от капитана Якубовича, но я от сего последнего не слыхал, чтобы он извещал его о сем». Оболенский утверждал, что не был лично знаком с Воейковым, но «знал о нем единственно по прежним его дружеским сношениям с бывшим капитаном лейб-гвардии Московского полка Нарышкиным». Нарышкин отвечал категорическим отрицанием: «Честь имею уведомить, что мне неизвестно, принадлежал ли штабс-капитан Воейков к обществу и какое принимал в оном участие».²² Показание Нарышкина вступает в разительное противоречие с показанием Оболенского, который располагал данными о причастности Воейкова как раз по связям последнего с Нарышкиным. Следствие не придало этому значения, остановившись на выводе, благоприятном для Воейкова: уже 16 февраля в «журнале» Комитета появилась запись «представить<...> к освобождению с аттестатом». Император согласился, и 20 февраля бывший подозреваемый был освобожден с оправдательным аттестатом, как вполне оправданный.²³

Другой яркий случай переинтерпретации обвинительных показаний представляет расследование о подполковнике И. А. Арсеньеве. Он уличался показаниями А. З. Муравьева (своего полкового командира) и М. И. Муравьева-Апостола, прямо указавшими на его членство в Южном обществе. Полностью отвергая эти свидетельства, Арсеньев переинтерпретировал наиболее опасную с точки зрения обвинения информацию о своем разговоре с А. З. Муравьевым, содержавшем предложение присоединить возглавляемый им полк к восставшим черниговцам. В показаниях Арсеньева это предложение представало как совет подготовить полк к походу против мятежников. Руководители тайного общества С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин не подтвердили свидетельства о членстве Арсеньева. Следствие сочло уличающие показания недостаточными для обвинения, подполковник был признан «невинным» и освобожден.²⁴

Поручик Ф. Е. Врангель, согласно ряду показаний, в том числе принявшего его М. П. Бестужева-Рюмина, был присоединен к Южному обществу наряду с другими офицерами-артиллеристами. В отличие от своих товарищей, признавших либо формальное членство, либо осведомленность о существовании тайного общества и его цели, Врангель это упорно отвергал. Причем в своих показаниях Врангель не отрицал факта знакомства с лидерами Васильковской управы, близкого общения с ними. Каждое подобное утверждение он старался сопроводить различными оговорками, снижающими значение этих признаний. Сообщая, например, о своем знакомстве с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, Врангель одновременно замечал, что с ними «небыл<...> близок», более того — избегал общения с последним, так как он производил «неприятное впечатление». Соглашаясь, что не раз посещал обоих, он уверял, что ни о чем, кроме текущих служебных дел, с ними не говорил. Признавая, что Бестужев-Рюмин сообщил ему о желательности для России конституции и представительного правления, Врангель одновременно свидетельствовал о своих возражениях на эти слова собеседника, настаивая на том, что имел «образ мыслей», противоположный настроениям лидеров тайного общества. Встретив такую интерпретацию «разговоров» с Врангелем в его оправдательных показаниях, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин в дальнейших показаниях о Врангеле предпочли ограничиться утверждением, что Врангель лишь приготовлялся к вступлению в тайное общество, но полноценным членом не был.²⁵ Врангель был освобожден без всякого взыскания, как «непричастный к злоумышленным обществам». Между тем из свидетельств непосредственных участников собраний в Лещине явствовало, что Врангель присутствовал на этих собраниях в качестве члена общества, что он не раз посещал Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, вел с ними политические разговоры, знал о тайном обществе и его политическом характере, понимал его опасность, знал о замысле военного выступления. Показания ряда членов прямо говорили о состоявшемся приеме Врангеля в тайное общество, причем из них вытекало, что процедура приема была достаточно длительной. Главным фактором, оказавшим влияние на следствие, по-видимому, оказалось поведение Врангеля на допросах и характер его оправдательных показаний. Завоевав доверие к своим словам откровенным признанием имевшихся контактов с руководителями тайного общества, он сумел своими показаниями убедить следователей, что являлся принципиальным противником цели декабристской конспирации и особенно средств ее достижения, — несмотря на опасный характер разговоров, бывших у него с лидерами Васильковской управы. В этих условиях следователи даже сочли излишним проведение очных ставок Врангеля с его обвинителями.

Первое показание полковника Ф. В. Вольского было крайне серьезным для подпоручика гвардейской артиллерии А. М. Голицына, поскольку Вольский сообщал, что самолично принял Голицына в тайное общество. Это показание стало основанием для ареста и допроса Голицына. Он полностью отрицал свою принадлежность к тайному обществу, настаивая на том, что только слышал о его существовании от Вольского, но не выражал согласия вступить в члены.²⁶ В повторных показаниях Вольский, явно противореча своему первому сообщению и в совершенном согласии с Голицыным, заявил, что не получал от него согласия на вступление. Оказывается, Голицыну, который сначала был назван им членом, Вольский лишь «говорил» о существовании тайного

общества, причем «только глухо». Интересно, что в журнале Комитета было особо отмечено это существенное изменение в показаниях Вольского. Следственный комитет, после рассмотрения поступивших показаний и составленной на их основе справки о Голицыне, решил освободить его от ответственности из-за отсутствия «вины». По мнению членов Комитета, следовало «представить государю императору, что князь Александр Голицын к обществу не принадлежал и даже по сведению, которое имел о существовании оно́го, не мог подозревать противозаконной его цели»; резолюция императора гласила: «Выпустить».²⁷

Не отвергая установленный следствием факт разговора с Вольским и свою осведомленность о существовании общества и его цели, Голицын постарался сделать все, чтобы лишить эти факты обвиняющего значения. Прежде всего он настойчиво отрицал свое участие в тайном обществе и, следовательно, организационную принадлежность к нему. Утверждая, что ему только было открыто существование общества и сообщена его цель (что в действительности являлось необходимым элементом процедуры принятия), Голицын отводил вопрос о поступлении в число членов. Принципиально важным являлось и другое его утверждение: о том, что он не дал положительного ответа на предложение вступить в общество. Тем самым Голицын удостоверял, что его принятие не состоялось; одновременно демонстрировалось нежелание быть членом общества. Наконец, отрицание продолжительных контактов с Вольским показывало случайность «разговора» о тайном обществе, его единичность, говорило об отсутствии постоянных связей с заговорщиками. В итоге значение «разговора» с Вольским предельно ослаблялось; факт принятия в члены тайного общества заменялся расплывчатой формулировкой, согласно которой подозреваемому были только «открыты» существование общества и его «внешняя» «просветительская» цель, притом что он ответил отказом на предложение стать его членом. Категорическое отрицание Голицыным своего формального членства заслонило факт предложения, сделанного Вольским, равно как и первоначальное его свидетельство о приеме нового члена.

В данном случае, как и в ряде других, ощущается влияние посторонних для расследования факторов на исход дела. Такому выводу придает дополнительную основу то обстоятельство, что следствие немедленно «ухватилося» за изменение показаний Вольского, обвиняющих Голицына. Заметим, что основное содержание последующих показаний Вольского об этом эпизоде почти идентично главным элементам оправдательной линии защиты Голицына, что заставляет предположить согласование их показаний. Такого рода согласование оправдательных показаний и выработка общей линии защиты произошли, как представляется, после ознакомления Вольского с предъявленными ему на устном допросе показаниями Голицына. Увидев из них, с какой последовательностью Голицын отрицает организационную принадлежность к тайному обществу и сам факт принятия в члены, поняв, что следствие не имеет в своем распоряжении других улик против подозреваемого, кроме его свидетельства, Вольский решил изменить свои показания. Александр Голицын — один из наиболее ярких примеров участника тайного общества, избежавшего наказания благодаря занятой на следствии позиции «снижения» обвиняющего значения имевшихся против него показаний, благодаря сокрытию товарищами по тайному обществу действительного характера его конспиративных связей и, возможно, в результате воздействия на ход следствия родственных связей подозреваемого.

Еще одно свидетельство успешного применения тактики отрицания наиболее опасных обвинений мы находим в расследовании дела поручика И. Ф. Львова. Львов обвинялся в принадлежности к Северному обществу, знании плана 14 декабря; обвинительные показания были сделаны самим руководителем заговора Е. П. Оболенским. Арестованный вследствие показаний Оболенского, Львов занял позицию отрицания этих опасных улик. Оболенский поместил в представленный им обширный список членов тайного общества фамилию Львова и в пояснение сообщил: «Львов и Кожевников приняты за несколько дней до 14-го декабря и, не командуя ротами, должны были действовать лично». Речь, таким образом, шла, ни много ни мало, об участии в военном мятеже. Кроме того, один из руководителей тайного общества и заговора 14 декабря писал в своих показаниях, что о существовании тайного общества и его цели Львову сообщили сначала Н. П. Кожевников (товарищ Львова по службе в Измайловском полку), а затем Я. И. Ростовцев.²⁸ На допросе и в письменных показаниях Львов категорически отверг не только свое формальное участие в тайном обществе, но и какую-либо степень осведомленности о нем.²⁹ Комитет решил, что «хотя обвинение не сильно, однако для большего удостоверения, что он не ложно отрицается, уличить его очными ставками с князем Оболенским и Кожевниковым и, если его императорское величество дозволит, с поручиком Ростовцевым, бывшим адъютантом генерал-адъютанта Бистрома».³⁰ Это решение так и не было реализовано: очные ставки с Оболенским, Ростовцевым и Кожевниковым не проводились. В связи с имеющимися уличающими показаниями Львов был допрошен повторно; следствие пыталось выяснить меру его участия в заговоре и осведомленности в планах 14 декабря. Львов продолжал категорически отрицать свою принадлежность к тайному обществу. Он отверг главное уличающее показание Оболенского о вступлении в общество, знании планов заговорщиков и осведомленности о подготовке военного выступления. В результате после рассмотрения показаний Львова Кожевникова и Ростовцева Комитет постановил представить императору об освобождении Львова.

Уличающая Львова информация исходила от Оболенского. В его дополнительных показаниях речь вновь шла о том, что на квартире Ростовцева Оболенский лично объявил Львову о планах заговорщиков и намерениях на 14 декабря. Показания Оболенского прямо свидетельствовали о состоявшемся принятии Львова в тайное общество, осуществленном двумя лицами при его собственном участии. Позиция Львова, проявленная на допросах и в письменных показаниях, была неизменной на протяжении всего расследования: он полностью отрицал формальную связь с тайным обществом и заговором, переводя свидетельства о контактах с членами общества в плоскость служебных и личных дружеских отношений. Следует признать, что такая позиция в ситуации, когда другие два свидетеля отрицали главные уличающие показания (Ростовцев был вызван для допроса не арестованным, показания Кожевникова отличались тем, что вплоть до конца следствия он не признавал свою принадлежность к тайному обществу), была вполне эффективной, поскольку способствовала последующему официальному оправданию.

Таковы лишь некоторые случаи благоприятного для обвиняемых исхода следствия, несмотря на имевшиеся в его распоряжении конкретные улики. Анализ этих и других случаев³¹ показывает, что в подобных ситуациях главными слагаемыми успеха тактики полного отрицания являлись: отсутствие большого количества уличающих свидетельств, последовательное проведение отрицание этих свидетельств или их умелая

переинтерпретация. Большое значение, помимо тактики защиты, избранной обвиняемым, имела также позиция основных свидетелей, опрошенных в ходе следствия.

Таким образом, материалы следствия по «делу декабристов» содержат недвусмысленные указания, которые правомерно интерпретировать как свидетельства о ложном отрицании уличающих данных или их сокрытии. Тактика полного отрицания уличающих показаний, о применении которой свидетельствуют источники нескольких видов, при наличии некоторых условий могла принести успех. Эта линия защиты оказалась результативной для тех подсудимых, которые были связаны конспиративными контактами с ограниченным числом лиц, занимали окраинное положение в декабристских организациях, были более опытны или прибегали к разнообразным приемам защиты. Определенную роль сыграло сокрытие обвиняющей информации основными свидетелями-обвинителями, их заинтересованность в ограничении количества уличающих данных. Эта заинтересованность, как можно считать, могла быть связана как с наиболее опасными с точки зрения обвинения событиями, так и с соображениями этического порядка. Значительное влияние на появление случаев оправдания лиц, против которых имелись конкретные уличающие показания о принадлежности к «злумышленному» обществу, оказало фактическое прекращение расследования по ряду сюжетов, посторонние для расследования причины (близость обвиняемого к императорской семье, ходатайства родственников и т. д.). Главной же причиной признания целой группы арестованных, которым предъявлялось обвинение в принадлежности к тайному обществу, невинновыми необходимо считать их собственную «линию защиты», благодаря которой имевшиеся обвинительные показания были признаны недостоверными. В этой связи есть все основания заключить, что значительной части подсудимых, оправданных на процессе, удалось обмануть следствие и избежать наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зубков В. П.* Рассказ о моем заключении в Санкт-Петербургской крепости // *Петропавловская крепость: Страницы истории.* СПб., 2001. С. 191.

² *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 82.

³ *Восстание декабристов: Документы.* М., 1969. Т. 12. С. 120, 124–125; М., 1975. Т. 13. С. 28; М., 1954. Т. 11. С. 385, 395. (Далее — ВД).

⁴ ВД. М., 1976. Т. 14. С. 302.

⁵ Там же. Т. 13. С. 389. М. В. Нечкина писала в связи с этим: «Конечно, принятые заранее правила не были осуществлены в условиях тяжелого заключения в Петропавловской крепости, допросов и очных ставок, но самый факт попытки предварительного сговора заговорщиков заслуживает внимания» (*Нечкина М. В.* Предисловие // Там же. С. 16).

⁶ Современные исследователи К. Г. Боленко и Н. В. Самовер считают, «что никто из них (арестованных. — *П. И.*) не готовился к процессу (не анализировал свои показания, не продумывал тактику защиты и т. д.)» (*Боленко К. Г., Самовер Н. В.* Верховный уголовный суд 1826 года: Декабристская версия в историографической традиции // *Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования.* М., 2001. С. 156). Однако в свете изложенного выше, трудно согласиться с подобным мнением, высказанным в этой в целом интересной работе. Свидетельства источников говорят о другом: многие из подсудимых имели возможность в той или иной степени подготовиться к допросам и, кроме того, опирались на определенные сложившиеся традиции поведения на следственных процессах по «антигосударственным» делам.

⁷ Пушкин М. И. Из «Записок» // Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 408, 409.

⁸ ВД. М.; Л., 1926. Т. 3. С. 48, 51–54; Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 134–136, 142–143.

⁹ ВД. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 206, 210, 229. Ср.: Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы. С. 134.

¹⁰ ВД. М., 2001. Т. 19. С. 205, 213.

¹¹ Там же. М., 2001. Т. 20. С. 391–392, 544–546.

¹² Там же. С. 101–102, 335–336, 422–423, 426, 433–434, 476–484. В отношении Ф. Н. Глинки и Н. И. Кутузова публикатор их следственных дел А. В. Семенова отмечает: «Кутузов и Глинка, старые товарищи, вероятно, согласовали заранее свои ответы на случай ареста Перетца и его возможных признаний... он [Глинка] и Кутузов одновременно находились на свободе более месяца». Основанием для этого вывода стало то обстоятельство, что «Кутузов дал ответы, полностью совпадающие с показаниями Глинки» (ВД. Т. 20. С. 507).

¹³ В ответ на показание Оболенского о времени приема Грибоедова в тайное общество («дня за три» до отъезда последнего из Петербурга) тот отвечал, что речь идет о приеме не в тайное политическое, а в разрешенное литературное общество. Грибоедов утверждал, что вступил в «Вольное общество любителей российской словесности» именно за три дня до своего отъезда, т.е. в мае 1825 г. Документы архива Вольного общества свидетельствуют о том, что Грибоедов был предложен в действительные члены 8 декабря 1824 г., а принят 15 декабря 1824 г., т.е. более чем за полгода до своего отъезда из Петербурга. См. об этом: Нечкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 24 и след. Ср.: Щеголев П. Е. Грибоедов и декабристы // Щеголев П. Е. Декабристы: Сб. ст. М.; Л., 1926. С. 113–114; Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 336.

¹⁴ См. об этом: Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 579–580.

¹⁵ Там же. С. 456.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 48. Оп. 1. Д. 243. Л. 5 об., 25, 39 об.; ВД. Т. 20. С. 195.

¹⁷ ВД. Т. 12. С. 34, 35 (запись допроса от 26 декабря 1825 г.)

¹⁸ Там же. С. 36, 53.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 187. Л. 4–4 об., 5.

²⁰ Там же. Л. 5 об.–6.

²¹ Там же. Л. 13–19.

²² Там же. Л. 9, 10–10 об., 11–11 об.

²³ ВД. М., 1986. Т. 15. С. 104, 109. Характерно, что уже в записи «журнала» от 16 февраля говорилось, что Н. П. Воейков «...был взят по показанию о тайном обществе в Кавказском корпусе...». Таким образом, след показаний об участии этого офицера в декабристской конспирации оказался затерянным и не отразился в главных документах следствия.

²⁴ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 176. Л. 2, 7, 8, 10, 12–13, 14; ВД. М., 1950. Т. 9. С. 270; М., 1954. Т. 11. С. 105; М., 1986. Т. 16. С. 112.

²⁵ ГАРФ. Д. 114. Л. 3–7 об.

²⁶ Там же. Д. 209. Л. 1–3, 4–5; ВД. М., 1986. Т. 18. С. 211–213.

²⁷ ВД. Т. 16. С. 174, 290. Справка о А. М. Голицыне не сохранилась (Там же. С. 366).

²⁸ Там же. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 239, 245, 249; М.; Л., 1926. Т. 2. С. 372; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 196.

²⁹ ГАРФ. Л. 4–4 об.; ВД. Т. 16. С. 73.

³⁰ ВД. Т. 16. С. 86.

³¹ См. подробнее: Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. Гл. 1, 2.